

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.24).041

О РОЛИ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (МАРФА БОРЕЦКАЯ)

Н. Л. Пушкарёва

РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
г. Москва, Россия

DOI: 10.26456/vthistory/2020.4.050

В статье проанализирована роль известной политической фигуры – вдовы посадника Исака Борецкого, знаменитой Марфы Борецкой – в экономической истории Новгорода в последний период его самостоятельности. Благодаря скрупулезным подсчётам владений и получаемого с них дохода доказано, что Марфа Борецкая была крупнейшей собственницей земельных богатств своего времени, не сравнимой ни с одной женщиной не только в Новгороде, но и в Москве.

Статья оспаривает ранее сложившееся мнение в историографии о том, что экономическое значение приобретений Марфы Борецкой в годы её вдовства не играло заметной роли и не оказывало влияния на политическую составляющую отношений Новгорода и Москвы. Напротив, считает автор, хозяйствование Марфы Борецкой доказывает её исключительную деловую сметку и удачливость, быстрое богатение её самой и её детей, что объективно способствовало росту могущества всей Новгородчины. Именно экономический вес этой собственницы объясняет исключительную роль, которую она пыталась на себя взять, спасая устойчивую новгородскую политическую систему.

Ключевые слова: *экономическая история, Великий Новгород, женская история, гендерная история Московии, Марфа Борецкая, Иван III, вотчина, государство.*

Колоритная фигура Великого Новгорода в последний период его самостоятельности, знатная новгородская боярыня Марфа Борецкая, давно известна как политическая фигура истории России раннего Нового времени¹ – даже в новейших работах она рассматривается именно в таком каче-

---

¹ *Петров А. В. Марфа Борецкая // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 163–167.*
Petrov A.V., Marfa Boretskaya, Voprosy istorii, 1994, № 12, S. 163–167.

стве². Крайне мало историков интересовали особенности её жизни как управительницы немалых земельных богатств, а ведь именно они обеспечили её самостоятельность в принятии решений. Заполнить этот пробел в женской истории России я и ставлю своей задачей.

Марфа, которую называет летописец не иначе как «злохитрева жена», происходила из рода бояр Лошинских. Первым мужем её был боярин Филипп Григорьевич, а вторым – посадник Исаак Андреевич Борецкий, также принадлежавший к властному новгородскому роду, имевшему в XV в. обширные «боярщины». Похоронив обоих мужей, Марфа сделалась самостоятельной хозяйкой с несравнимыми с другими женщинами своего времени земельными угодьями. К 70-м гг. XV в. по размерам своих владений Марфа являлась единственной в своём роде вотчинницей, которую трудно поставить в ряд даже с другими новгородскими боярами (Есиповыми, Овиновыми и др.).³ Обращение к описям её владений заставляет изумиться громадности её богатств. Тут и пушнина в тысячах шкурок, и полотно в сотнях локтей, и хлеб в сотнях коробей, и мясо в сотнях туш, масло, куры, лебеди и многое другое, а главное – деньги: в вотчине Борецкой денежный оброк составлял 51 % владельческого дохода⁴. Собственный дом Марфы в Новгороде на улице Великой (Неревский конец города) представлял собой каменные палаты в два этажа, весьма отличные от других домов новгородских бояр XV в.

Благодаря огромным богатствам Марфа Борецкая обрела значительный политический вес.

В памяти народной долго сохранялся её образ – властной правительницы, карающей самодержицы. Несметные богатства Марфы объяснялись её активной деятельностью как средневековой властительницы: все, унаследованное ею или полученное в виде приданого, было многократно увеличено ею за счёт её же «прикупов» и «примыслов». Среди последних немалую часть составляли земли, колонизованные с ведома «посадницы» в Обонежье и управлявшиеся по её распоряжению представителями вотчинной администрации, так называемым «Большим двором» (это название вошло в топонимию Русского Севера: несколько деревень сохра-

---

² Амброше Т. В., Чуракова О. В. «Злохитрева жена» «окаянная Марфа» в политической борьбе Москвы и Новгорода и основании северных монастырей // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 1–19; Архангельская А. В. Женское лицо новгородской политики XV века в литературном и историческом дискурсе // Русская филология. 2017. № 4. С. 68–75.

Ambroche T. V., Churakova O. V., «Zlokhitreva zhen» «okayannaya Marfa» v politicheskoy bor'be Moskvu i Novgoroda i osnovanii severnykh monastyrey, Arktika i Sever, 2013, № 13, S. 1–19; Arkhangel'skaya A. V., Zhenskoye litsno novgorodskoy politiki XV veka v literaturnom i istoricheskom diskurse, Russkaya filologiya, 2017, № 4B С. 68–75.

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ), Т. IV, М., 1851, С. 130, 359; Т. V, СПб., 1851. С. 37; СПб., 1853. Т. VI. С. 202; СПб., 1901. Т. XII. С. 8 (под 1428 г.).

Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL), Т. IV, М., 1851, S. 130, 359; Т. V, SPb., 1851, S. 37; SPb., 1853, Т. VI, S. 202; Т. XII, SPb., 1901, S. 8 (pod 1428 g.).

⁴ Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинках в домосковское время. М., 1939.

Tarakanova-Belkina S. A., Boyarskoye i monastyrskoye zemlevladieniye v novgorodskikh pyatinakh v domoskovskoye vremya, М., 1939.

няло много столетий такое название – например, деревня Большой Двор, как бывшее центральное селение боярщины).

Если обратиться ко всем четырём новгородским летописям, то нетрудно заметить тот факт, что фамилия Борецких, часто упоминавшаяся летописцами в связи с выборами и деятельностью высшей новгородской администрации в 1420-е гг., практически сошла с их страниц, когда началось изложение событий 1440–1460-х гг. Молчание летописей, однако, не означает, как мы увидим, что жизнь и деятельность Борецких в то время не оставила никаких следов. Целая серия документов, связанных с именем «Марфы Исаковой» (т.е. вдовы Исаака Борецкого), говорит о том, что её семья была занята в указанные годы активной колонизационной политикой, ведшейся на землях Русского Севера⁵.

Что было причиной экономической активности «посадницы»? Владения Марфы и её родственников в старых частях давно освоенной новгородской территории (Шелонской и Водской пятинах) были очень и очень малы, поэтому неудивительно, что её взор, как и взоры иных обойденных (как они считали), но неуёмных вотчинников, оказались обращёнными на Восток. Эти процессы нашли отражение в писцовых книгах как XV столетия, так и более поздних. Любому специалисту по Средневековью известно, что именно писцы с несокрушимой педантичностью описывали деревню за деревней, двор за двором, обжу за обжой. Таким образом, сравнив показатели в старых (XV в.) и так называемых новых (XVI в.) писцовых книгах, можно ответить на вопрос: позволительно ли использовать данные поздних писцовых книг для характеристики хозяйственной деятельности М. Борецкой, развернувшейся за три четверти века до составления этих поздних описаний?

Тщательные подсчёты показывают, что расхождения между писцовой книгой 1496 г., содержащей описание Никольского погоста на Оште (Обонежье), и писцовой книгой той же Обонежской пятины 1563 г. незначительны, и территории, приписанные к владениям Марфы, практически не отличаются по размерам друг от друга. Это и дало основание использовать поздние источники без опасения, что возникнут погрешности в географических описаниях и вычислениях.

Начало колонизационным мероприятиям Борецких было положено ещё в 1410-е гг., когда благодаря активным вооружённым захватам, осуществленным по приказу мужа Марфы Исаака Борецкого, во владения Борецких вошли волости Березовец и Кострица. Вокруг них, по сути первых земельных приобретений на Русском Севере, и разрастались в дальнейшем владения этой семьи. Можно предположить, что и Березовец, и Кострица перешли к Марфе по наследству. Так или иначе, но данные писцовых книг

---

⁵ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах // Исследования по русскому языку и словесности, изданные Императорской Академией наук. Приложение. СПб., 1903. № 105–106. С. 132–134.

Shakhmatov A.A., *Issledovaniye o dvinskikh gramotakh // Issledovaniya po russkomu yazyku i slovesnosti, izdannyye Imperatorskoy Akademiyey nauk. Prilozheniye*, SPb. 1903, № 105–106, S. 132–134.

говорят о том, что уже к середине столетия владения Борецкой тянулись практически сплошной полосой по южной и юго-восточной частям Онежского озера, под именем погостов Никольского на Оште, Мегрежского, Вытегорского, Пудожского⁶. Крохотной волосткой Борецким удалось «защепиться» и за Спасский погост в Кижях, т.е. на северо-западном берегу Онежского озера⁷.

Что касается путей попадания этих земель во владения известной семьи новгородских бояр, то вряд ли можно сомневаться в том, что все они были предметом прямых, ничем не завуалированных захватов: ещё по грамоте 1434 г. об откупных пошлинах данные земли описаны составителем писцовой книги как земли чёрного, свободного населения⁸. Понимая, что редкие деревушки в этих краях буквально теряются в бескрайних лесах, Борецкие не торопились с законным оформлением своих «прав» на владение захваченных ими малообжитых и малоизвестных тогда ещё в Новгородчине земель.

Соперниками Борецких в деле приобретения всё новых и новых владений в далеком крае неожиданно оказались не столько другие бояреновгородцы, сколько монастыри. Современный писатель А. Н. Муравьев не случайно поименовал Вологодчину до Белозерья «Русской Фиваидой на Севере» по аналогии с египетской пустыней, где селились когда-то основатели раннехристианского отшельничества⁹. Такое поэтическое сравнение вполне оправданно, поскольку именно здесь, на Русском Севере, возникали с конца XIV и до начала XVII в. десятки крупных и мелких монастырей. Самый активный в тех местах монастырь, Соловецкий, был основан как раз в 30-е гг. XV в. История его взаимоотношений с Марфой Борецкой известна из устного рассказа Германа, сподвижника Зосимы Соловецкого; он записан учеником Зосимы – Досифеем¹⁰.

По его словам, в момент появления на Беломорском побережье основателей монастыря – Зосимы и Савватия (в 1420–1430-е гг.) – земли эти были почти не заселены. Но алчная рука собственностицы – Марфы – уже пы-

---

⁶ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 29–36, 133–139, 184–186, 207–209, 213–216.

Pistovyye knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg., L., 1930, S. 29–36, 133–139, 184–186, 207–209, 213–216.

⁷ Акты Археографической экспедиции Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 27. С. 18–19.

Akty Arkheograficheskoy ekspeditsii Akademii nauk, T. 1, SPb., 1836, № 27, S. 18–19.

⁸ Новгородские писцовые книги. Писцовая книга Бежецкой пятины. Т. VI. СПб., 1910. С. 23.

Novgorodskiy pistovyye knigi. Pistovaya kniga Bezhetskoy pyatiny, T. VI, SPb., 1910, S. 23.

⁹ *Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере*. М., 1999.

Murav'yev A.N., Russkaya Fivaida na Severe, M., 1999.

¹⁰ *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871. С. 199.

Klyuchevskiy V.O., Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik, M., 1871, S. 199.

талась дотянуться до них. О том, что её попытки были небезуспешны, говорит сравнительно поздняя (середины XV в.) данная Марфы «Исаака Ондреевича жены» и её сына «Федора сына Исакова» на имя Соловецкого монастыря, в которой они перечисляют небольшие владения по рекам Сума и Сорока, которые передаются обители по указанной грамоте. Это – первый вклад Марфы в монастырь и первое свидетельство пока ещё мирных отношений двух феодальных «хищников»: поначалу Марфа была вовсе не против числиться среди щедрых спонсоров обители, основанной Зосимой и Савватием.

Чтобы вести хозяйство, монастырю требовался большой управленческий персонал. Настоятель монастыря (как правило, игумен) ведал землей, строениями и людьми, без участия и подписи игуменов не составлялась ни одна земельная сделка. Иногда настоятелям монастырей удавалось получить иммунитет на свои владения, в частности право самостоятельно вершить суд – без вмешательства волостных и уездных властей¹¹. Поэтому информация о том, что Соловецкий монастырь к середине XV в. наладил уже довольно развитое хозяйство, закрепив свои права на такие земли, как «два лука на Суме», два участка на Вирме, несколько ловищ в Шизни, три участка в Шуе, десяток – на Выге и других местах¹², говорит о том, что монастырь к рассматриваемому времени представлял собой уже солидную церковно-административную единицу. Наличие у монастыря приписных пустыней – явное свидетельство того, что в данном монастыре был уже и свой келарь, которому пустыни обычно подчинялись (административно и судебно)¹³. Надо думать, пути освоения этих земель монастырём были многообразны¹⁴. Мы знаем, что его монахи (вероятно, подкеларники и служебные монахи) и «земли копаху и древеса заготовляху», и «от моря черпаху и соль варищи», в то время как представители монастырской администрации арендовали, покупали, брали в аренду всё новые участки, топясь одновременно стянуть к себе земли и в виде вкладов.

Активность и успешность монастыря не могла прийти по нраву Борецким и в особенности главе всего семейства Марфе. Как сообщает «Житие Зосимы и Савватия», на землях, которые монастырь уже считал своими, неожиданно стали появляться... её боряские слуги и насельники. «По наущению дьявольскому» они ловили рыбу и нагло «хвалялися монастырь разорити», а иноков оттуда – «разогнати»¹⁵.

¹¹ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.

Savich A.A., *Solovetskaya votchina XV–XVII vv.*, Perm', 1927.

¹² Там же. С. 35.

Ibid, S. 35.

¹³ Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI–XVII в. // Отечественная история. 2003. № 1. С. 146.

Shamina I.N., *Iz istorii vologodskikh monastyrey XVI–XVII v.*, Otechestvennaya istoriya, 2003, № 1, S. 146.

¹⁴ Смолич И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999.

Smolich I.K., *Russkoye monashestvo 988–1917. Zhizn' i ucheniye startsev*, M., 1999.

¹⁵ Житие преподобного Зосимы. М., 1834. С. 16.

Чтобы положить конец безобразиям, основатель монастыря Зосима, как повествует легенда, записанная Досифеем всё в том же «Житии», явился к Марфе с жалобой на её «рабов», кои «пакости деют обители», причиняя тем самым и ему самому «многие обиды». Однако «единая от славнейших и первых града того» (Так именует её составитель легенды! Он явно понимал место Марфы в числе других колонизаторов севернорусских земель. – Н.П.) встретила Зосиму враждебно, приказала выгнать его из своего дома. Со словами «*Отчину нашу отъемлет от нас!*» она, по словам Досифея, отвернула от Зосимы «лице злобно».

Всё это заставило Зосиму срочно засобираваться в далёкое путешествие в Новгород, чтобы там переговорить с архиепископом и поведать ему о монастырских нуждах¹⁶, а заодно и пожаловаться на грубую соседку. Зосима слезно молил архиепископа услышать его жалобы, а заодно «отдать пустынке от миру удаленной» (так жалостно Зосима именовал монастырь) ряд островов на Белом море. Можно предположить, что одновременно с челобитной архиепископ получил от Зосимы и ещё что-то вполне материальное, но не зафиксированное документом, что заставило церковного иерарха решить вопрос в пользу Зосимы: согласно распоряжению архиепископа, перечисленные в челобитной острова на Белом море были отданы монастырю с припиской «боярам ноугородским в тыи острова не вступатися».

Марфе пришлось идти на попятную. После возвращения Зосимы с аудиенции у архиепископа «посадница» пригласила Зосиму «со многим молением» на трапезу. Зосима пришёл. Но тут ему, как говорит «Житие», было видение: за столом – шесть посадников, и у каждого из них «глава не плещи нет». Кошмарная картина с шестью обезглавленными застольниками была воссоздана автором «Жития» явно много позднее не только описываемых событий, но и казней всей семьи Борецких, а также их единомышленников (Василия Селезнева, Еремы Сухощук и др.)¹⁷, и именно страшный конец всех политических противников централизаторской политики великого князя заставил безымянного составителя «Жития» сопрячь воедино несколько разновременных событий, представив одни из них как предвидение.

Так или иначе, Зосима – согласно легенде – предъявил «посаднице» и иным ее странным гостям полученную у архиепископа грамоту. Марфа вынуждена была принять её к сведению. Однако пожар борьбы «посадницы» с монастырем так не был ею потушен. Принужденная отказаться от отправки своих насельников во владения монастыря, Марфа продолжила захваты близлежащих к ним территорий – участков по рекам Выг, Вирма, Сума, Нюхча¹⁸, так что практически вся территория от Онеги на востоке до

Zhitiye prepodobnogo Zosimy, M., 1834, S. 16.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XII. С. 137.

PSRL, T. XII, S. 137.

¹⁷ Там же. С. 138.

Ibid, S. 138.

¹⁸ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 155.

Шуи на западе оказалась под её «дланью». Здесь у неё были богатейшие соляные месторождения: к 1456 г. – около 25 варниц¹⁹. Описания писцов о рыбных богатствах приобретенного «посадницей» края, в частности об особенном изобилии сёмги, заходившей, по словам писцов, к порогу Золотце в устье реки Выга, заставляет современного читателя заподозрить писца в гиперболизации. (Уж не сельдь ли он имел в виду, которой в те времена и в тех краях было, действительно, буквально навалом²⁰.) Если уж верить на слово писцам, то и моржей, и даже китов также ловили Марфины насельники буквально рядом с Соловецкими островами. Этих морских зверей пускали на «сало и на кожу», особо ценился и «рыбий зуб» (моржовый клык), причём десятую часть добытого, как водится, приходилось отдавать Соловецкой обители: ведь архиепископ подтвердил её особые права!²¹ И Марфа, и монастырь доставляли заполученные ими богатства напрямик в Новгород, самым удобным и коротким путём по воде. Пути по южному берегу Белого моря были давними и хорошо наезженными.

Северная колония Марфы несла ей очевидные выгоды. «Посадница» вовсю заселяла приобретённый ею край, строила часовни, церкви, налаживала связи с Новгородом²². Постепенно владения Марфы вошли в состав Обонежской пятины и получили наименование «Спасский погост»²³ (после разгрома Борецких он был целиком отдан Соловецкому монастырю). Как хозяйствовала там энергичная посадница? К сожалению, прямых данных об этой стороне её деятельности не сохранилось. Зато осталось немало преданий и непрямых свидетельств, в которых реальность обволоклась густой пеленой странных вымыслов, так что действительные факты лишь изредка мерцают сквозь неё.

Известно, например, что к 1450-м гг. «посаднице» принадлежало немало земель в холодной Кемской земле. Берега Кеми были бедны растительностью, но её воды были необычайно богаты рыбой (как утверждают

Pistovyue knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg., S. 155.

¹⁹ Там же. С. 163.

Ibid, S. 163.

²⁰ Архангельский сборник или материалы для подробного описания Архангельской губернии. Ч. I. Кн. 2. Архангельск, 1865. С. 220.

Arkhangel'skiy sbornik ili materialy dlya podrobnogo opisaniya Arkhangel'skoy gubernii, Ch. I, Kn. 2, Arkhangel'sk, 1865, S. 220.

²¹ Кольчева Е.И. Приходно-расходные книги XVI в. как источник по истории монастырского хозяйства // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. С. 171–172.

Kolycheva Ye. I., *Prikhodno-raskhodnyye knigi XVI v. kak istochnik po istorii monastyrskogo khozyaystva*, Tezisy dokladov i soobshcheniy XV sessii Mezhrеспубликанского simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy, M., b/i, 1974, S. 171–172.

²² Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские университетские известия. 1867. № 7. С. 8.

Klyuchevskiy V. O., *Khozyaystvennaya deyatel'nost' Solovetskogo monastyrya v Belomorskoy krae*, Moskovskie universitetskiye izvestiya, 1867, № 7, S. 8.

²³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 161.

Pistovyue knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg., S. 161.

все те же писцы – семгой), речным жемчугом с чудесным синеватым отливом²⁴, земля – железной рудой²⁵. По Кеми выезжали и бить моржей. Сохранив за собой кемские владения, «посадница» отдала Соловецкому монастырю в 1470 г. другие свои «рыбные ловища» – между реками Умбой и Варзугой²⁶. Интенсивный обмен землями в устье Онеги и освоение их как Борецкими, так и монастырём объясняет существование ещё одного предания, связанного с хозяйничаньем Марфы на Русском Севере. Речь идёт о легенде, повествующей о гибели сыновей Марфы Антона и Феликса – самых старших из её детей, родившихся, по всей видимости, от первого брака Марфы с боярином Филиппом Григорьевичем²⁷.

Согласно легенде, «дети Филипповы» после сбора податей в подвластных онежских местах поехали в Соловецкую обитель для поклонения мощам святых угодников. В море их застала буря. Их судно разбилось. Тела погибших море выбросило в устье Двинской губы, где их мать, в память о сыновьях, и основала церквушку – «храм святого Николы в Корельском на гробех». Не поверив в естественность гибели своих «чад» от сил дикой природы, Марфа заподозрила, что её сыновьям могли «помочь» расстаться с жизнью жители Заонежья, с которых «дети Филипповы» собирали оброк. Не желая вникать в подробности, Марфа повелела жестоко расправиться с жителями тех земель и вешать на деревьях всех заподозренных. Якобы с тех пор и пошло наименование урочища «З[о]лотце» – не от слова «золото», а от слова «зло». Бытование легенды записала в конце XIX в. знаменитая А. Ефименко²⁸.

Владения Марфы Борецкой на Двинщине – в устье реки Двины и на морском берегу – позволяют еще раз подтвердить командную роль «посадницы» в этой части колонизованных Новгородом земель. Немало её насельников направлялись именно сюда – «рыбы ловити и бобры бити». Любопытно и то, что беличьи шкурки в этих местах шли в оброк из расчёта «поста на рубль», а «пополнкой» (дополнением, довеском, так сказать, «бонусом») к живой овце служила шкурка куницы. За земельные угодья тоже часто расплачивались шкурками – попадают такие цифры, как «полшестдесят сороков белки», равные «30 сороков белки» (1200 беличьих шкур)²⁹.

²⁴ Молчанов А. Описание Архангельской губернии. СПб., 1913. С. 28

Molchanov A., *Opisaniye Arkhangel'skoy gubernii*, SPb., 1913.

²⁵ Архангельский сборник. С. 221.

Arkhangel'skiy sbornik, S. 221.

²⁶ Архив Соловецкого монастыря // Чтения в бшестве истории и древностей российских при Московском университете. Ч. 1. 1887. С. 363.

Arkhiv Solovetskogo monastyrja, Chteniya v obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, Ch.1, 1887, S. 363.

²⁷ Архангельский сборник. С. 175–176.

Arkhangel'skiy sbornik, S. 221.

²⁸ Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1865. С. 194–195.

Efimenko P.S., *Zavolotskaya chud'*, Arkhangel'sk, 1865, S. 194–195.

²⁹ Шахматов А.А. Указ. соч. № 89, 90. С. 111–113.

Shakhmatov A.A., *Op. cit.*, № 89, 90, S. 111–113.

Как и в других северных владениях Марфы, здесь была красная и белая рыба, железная руда, залегавшая прямо под дерном, а также соль (ею особенно изобиловала Ненокса)³⁰. Жители этих земель разводили и скот – в перечислениях писцовых книг, упоминающих оброки, мелькают корова, конь, овца, свинья³¹.

Сохранилось также предание, что современник Марфы Посадницы новгородец Василий Своеземцев с семейством удалился из Новгорода в своё имение на Ваге, однако чувствовал там себя все время беспокойно. Владения Марфы буквально окружали его земли, врезались в них своими охотничьими ловищами и рыбными ловлями. Своеземцев откровенно боялся участи своего товарища Милославского, которого Марфа, недолго думая, как справиться с его приятзаниями, распорядилась схватить и затем держала у себя в вотчине в подземном заключении³². Предание о таких поступках Марфы показывает, что между Марфой и Своеземцевыми шла постоянная борьба, спорной землей был юг Заволочья – и в свете истории с Соловецким монастырём, который Борецкой удалось отодвинуть в борьбе за богатства Важского края, предание это явно основано на фактах.

Хлеб, пушнина, соль, рыба, сало и кожа морского зверя – все это отлично менялось на внешнем рынке на сукна, вина, пряности и драгоценные металлы³³, а добывать можно было только в северных лесах и на берегах Беломорья. Вот почему Марфа, как и ряд других крупных бояр и боярынь (Есиповых, Губиных, Григорьевых, Федоровых, Селезневых), приложила немало усилий на овладение Поморьем, северными лесами и берегами Белого моря. Вот почему любое посягательство московского князя на боярские владения в Заволочье вызывало ярое сопротивление законных обладателей этих земель³⁴.

Марфа Борецкая (как и Борецкие вообще) оказалась самой крупной колонизаторшей на Русском Севере в XV в. Почти сплошной полосой тянулись её владения по Карельскому берегу, берегам Белого моря, в частности в устье Двины, на её верховьях и притоках. Она уверенно господствовала на основных водных магистралях колонизованной её Большим двором земли: в истоках реки Свири (Никольский погост); на острове Киж в северо-западном углу Онежского озера (Спасский погост в Кижках); по течению рек Выги, Суми, Нюхчи (Выгозерский погост); в устье реки Кеми; на путях в Заволочье от истоков Свири; на южном побережье Онежского озера (погост Мегра); в устье реки Вытегры (Покровский погост); в среднем течении реки

³⁰ Архангельский сборник. Ч. I. Кн. 1. 1863. С. 254–257.

Arkhangel'skiy sbornik. CH.I. Kn. 1. 1863. S. 254–257.

³¹ Шахматов А.А. Указ. соч. № 89, 90. С. 111–113, № 111. С. 140.

³² Житие Варлаама Важского // Православное обозрение. N 1 (1893). С. IX. (Предисловие).

Zhitiye Varlaama Vazhskogo, Pravoslavnoye obozreniye, № 1 (1893), S. IX, (Predisloviye).

³³ Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. Берлин, 1924. С. 9–10.

Platonov S.F., *Proshloye russkogo Severa*, Berlin, 1924, S. 9–10.

³⁴ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. СПб., 1893. № 1, 2, 10, 6, 20.

Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, T. I, SPb., 1893, № 1, 2, 10, 6, 20.

Водлы (Пудожский погост); в устье реки Онеги (Устьянская волость); в устье Северной Двины (часть земель в дельте и рукавах); часть земель по рекам Ваг и Сухона.

Иными словами, у неприязни Борецкой к московской власти были веские основания – ей было что терять!

Результатом неустанной и последовательной колонизационной политики Борецких стало обладание этой фамилией (а к концу XV в. лично Марфой и её взрослыми сыновьями, которым всё и должно было достаться после её смерти) землями в бассейнах Обонежья и Заволочья, по берегам Белого моря, начиная от Кольского полуострова и кончая устьем Северной Двины. Стоит заметить, что на этих владениях находились и важнейшие транспортные развязки на путях из центральной России далее в Сибирь. Марфа умело продолжила дело, начатое в 1450-е гг. её мужем Исааком Борецким (он добился первых приобретений в Заволочье уже в 1415 г.³⁵, а затем в 1450-х гг. на Карельском берегу Белого моря, в Заонежье и др. местах). По всем расчётам, она должна была передать все свои несметные владения сыну, Дмитрию Исааковичу, который также стал посадником как раз перед началом новгородского-московского конфликта.

Анализ экономической деятельности «посадницы» на колонизованных землях не обнаруживает никаких признаков кризиса или застоя. Наоборот, на ряде колонизованных Марфой земель была отменена барщина, а население переведено на денежный оброк (как тут не вспомнить пушкинского Онегина, который лишь в начале XIX в. «ярём... барщины старинной оброком легким заменил...» – Марфа, как видим, поняла преимущества оброка за три с половиной века до начитавшегося Адама Смита Евгения!). Стоит, однако, оговориться (чтобы избежать модернизации происходивших тогда процессов), что всё-таки на *большинстве* боярщин Марфы был установлен натуральный (продуктовый) оброк.

Трудно обойти вниманием и такое решение Марфы, как специализация производства тех или иных продуктов в её боярщинах, что при развитии товарно-денежных отношений было шагом к серьёзному взаимодействию частей огромных владений посадницы. В некоторых областях в результате развития торговой деятельности крестьян возникли торговые рядки, или торжища (как, например, в волостях Липна и Березовец).

Поэтому тщательный подсчёт владений Марфы на Русском Севере, анализ деятельности там её Большого двора позволяют опровергнуть выводы первых исследователей владений Борецких – С. А. Таракановой-Белкиной и А. Г. Шурыгиной, увидевших в деятельности Борецких «и им подобных» «реакционную силу, тормозившую образование Русского централизованного государства». Наоборот, можно, пожалуй, согласиться с выдающимся исследователем земельных отношений С. Б. Веселовским, полагающим, что русский вотчинник XV–XVI вв. являлся, как он писал, «передо-

³⁵ Новгородская первая летопись по Синодальному списку. СПб., 1888. С. 404.
Novgorodskaya pervaya letopis' po Sinodal'nomu spisku, SPb., 1888, S. 404.

вым элементом» в социально-экономической жизни страны³⁶. Во всяком случае, хозяйствование Марфы Борецкой доказывает как раз её исключительную хозяйственную сметку и удачливость, быстрое богатение её самой и её детей, что – объективно! – способствовало росту могущества всей Новгородчины.

Именно экономическое могущество Марфы приблизило её к концу XV в. к самому кормилу власти в Новгородской земле. Именно оно объясняет и ту непримиримость, с какой Марфа относилась к притязаниям московского царя. Не случайно и то, что крупнейшими единомышленниками и единомышленницами Марфы в её антимосковской деятельности оказались её соседи по владениям в Беломорье и Заволочье – Губины, Селезневые, Лошинские, Григорьевы. О сопоставимости земельных богатств новгородской боярыни Марфы Исаковой Борецкой и великого князя (а с XVI в – царя) Московского свидетельствуют следующие подсчёты её владений, в том числе на территориях Русского Севера:

**Владения Марфы Борецкой
(по описаниям Новгородских писцовых книг XV–XVI вв.)**

Пятина	Волости (в.), погосты (п.)	Деревень	Дворов	Людей	Обеж
Деревская	в. Березовец	67(87)	222(416)	239(429)	282(366)
	п. Хохловский	2(2)	4(3)	4(3)	4(3)
Бежецкая	п. Кострицкий	33(33)	57(68)	59(85)	57(80,6)
	в. Липна	15(33)	49(66)	89(87)	27(50,16)
	в. Усть-река	151(154)	-(469)	-(624)	323(770)
	Глиненск	-(10)	-(15)	-(19)	—
	Видемер	33(44)	-(82)	-(117)	56(85)
Шелонская	п. Михайловский	- (-)	- (-)	- (-)	-(18)
	п. Дубровенский:				
	д. Подгривье	-(1)	-(1)	-(1)	-(1)
	д. Струпино	-(1)	-(2)	-(3)	-(1,5)
	д. Горка	-(1)	-(2)	-(2)	-(1,5)
	п. Рамышевский	- (-)	- (-)	- (-)	-(5)
	п. Опотьский	-(1)	-(1)	-(1)	-(1,5)
п. Струпинский	- (-)	- (-)	- (-)	-(8)	
Вотская	в. Победище	20(20)	-(28)	-(52)	36(34)
	п. Михайловский	-(3)	-(6)	-(10)	-(7)
Обонежская	п. Никольский	214(238)	247(300)	484(489)	278(185)
	п. Рождественский				
	в. Марфиньская	-(126)	-(231)	-(223)	-(118)

³⁶ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси. Т. 1–2. М.; Л., 1947.

Veselovskiy S.B., *Feodal'noye zemlevladieniye Severo-Vostochnoy Rusi*, Т. 1–2, М., Л., 1947.

	в. Кондуши	-(39)	-(45)	-(22)	-(11)
	в. на Валтеге	-(78)	-(120)	-(127)	-(20,3)
	п. Никольский на Оште:				
	Волость	-(236)	-	-	-(285)
	волость	-(127)	-	-(88)	-(30,6)
	волостка	-(32)	-(46)	-(53)	-(2,6)
<i>Итого на основных Территориях Новгородской земли.</i>		1266	2398	2790	2084,76
Обонежская пятинна (колонизованные в XV в. земли):	п. Покровский	93	154	123	95
	п. Никольский на Пудогге	49	84	76	44
	п. Спасский в Кижях				
	в. Ивашковская	5	16	18	4
	в. на Сенной	29	55	88	30,5
	п. Спасский на Выгоозе-				
	в. Марфиньская	100	368	272	176,86
	п. Водлозерский на Вар-Селге	1	3	4	2
<i>Итого на колонизованных землях</i>		277	680	581	352,36
<i>Всего во владениях:</i>					
	царя (XVI в.)	1543	3078	3371	2437,12
	Марфы (XV в.) приблизительно)	1389	2247	2247	2315,26
					2315,26

* В круглых скобках приводятся данные по новому письму, что позволяет сделать вывод о приросте за полвека (с конца XV в. до 1576 г., когда составлялась Писцовая книга Обонежской пятины): деревень – на 10 %, дворов – на 27, людей – на 20,8, беж – на 5 %. Например, количество деревень по старому письму – 369, по новому – 410; учитываются, естественно, лишь те деревни, по которым имеются данные в двух системах пересчета; количество по новому письму = 100 %. Зная общие данные по новому письму и вычисляя прирост, можно определить размеры владений Марфы Борецкой ко времени ее конфликта с великим князем, хотя приблизительность расчетов несомненна (см.: *Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 282.*)

Дальнейшая судьба Марфы величественна и печальна. В 1471 г. вместе с несколькими влиятельными новгородками (боярыней Анастасией, вдовой Ивана Григорьева, Евфимией, вдовой посадника Есипа Андреевича Горшкова) Марфа выдвинула «своего» кандидата для посвящения в сан архиепископа (Пимена). Будучи приближенным к прежнему архиепископу Ионе, он имел доступ к Софийской казне и передал Борецким немало средств на поддержку их «партии».

Как раз в это время вернувшийся из Москвы новгородский посол сообщил, что великий князь Московский в своей речи назвал Новгород «своею отчиною». Марфа использовала это известие как повод к решительным действиям. Её дом стал местом бурных политических собраний, а сама она – их вдохновительницей. «Многие люди на сонмище к ней приходили и много послушали прелестных и богоотметных ее слов, не зная о том, что было им на пагубу», – отмечал позднее летописец, сокрушаясь, что «многие из народа» смутились «соблазном» слов посадницы.

В планы новгородской аристократии входили создание в Новгороде православного наместничества, зависимого от Литовского государства, а также брак будущего наместника из числа литовских панов с самой богатой новгородской собственницей – Марфой Борецкой, которая «хотячи пойти замужь за литовского же пана за королева, да... мыслячи привести его к себе в Великий Новград, да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». Однако после битвы на реке Шелони антимосковская группировка в Новгороде вынуждена была признать своё поражение. Сын Марфы Дмитрий Исаакович сложил голову на плахе. В феврале 1488 г. Иван III распорядился захватить Марфу с внуком Василием Федоровичем, отослать их в заточение и «тако конечно укроти Великий Новгород». Огромные владения Борецкой – в том числе её северные территории были отписаны в казну³⁷. Сама Марфа была казнена, не доехав до Москвы, в небольшом селе Тверского княжества Млёве³⁸. Заманчивые своим богатством земли русского Севера, которыми она владела, навсегда попали во владение царя.

Необычная даже для позднего русского Средневековья страница экономической истории – владение крупной вотчинницей огромными земельными богатствами, сопоставимыми с царскими в далекой от Новгорода столице, – оказалась перевернутой

Список литературы:

1. Амброше Т. В., Чуракова О. В. «Злохитрева жена» «окаянная Марфа» в политической борьбе Москвы и Новгорода и основании северных монастырей // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 1–19.
2. Архангельская А. В. Женское лицо новгородской политики XV века в литературном и историческом дискурсе Н. М. Карамзина и Б. Акунина // Русская филология. 2017. № 4. С. 68–75.
3. Кольчева Е. И. Приходно-расходные книги XVI в. как источник по истории монастырского хозяйства // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: б/и, 1974. С. 171–172.
4. Петров А. В. Марфа Борецкая // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 163–167.

³⁷ Марфа Борецкая // Русский Биографический Словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 220. Marfa Boretskaya, Russkiy Biograficheskiy Slovar', Т. 3, SPb., 1908, S. 220

³⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1817. С. 130. Karamzin N. M., *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*, Т. VI, SPb., 1817, S. 130.

5. Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. Берлин: Обелиск, 1924. – 110 с.
6. Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI-XVII в. // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141–147.

Об авторе:

ПУШКАРЁВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, РАН (119334, Москва, Ленинский проспект, 32А), e-mail: pushkarev@mail.ru

ON THE ROLE OF WOMAN PERSONALITY IN THE ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA IN EARLY MODERN TIME (MARFA BORETSKAYA)

N.L. Pushkareva

RAS, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay,
Moscow, Russia

The article analyzes the role of a famous political figure - the widow of the mayor Isak Boretsky, the famous Martha Boretskaya - in the economic history of Novgorod in the last period of its independence. Thanks to scrupulous calculations of the properties and the income received from them, it has been proved that Martha Boretskaya was the largest owner of land wealth of her time, incomparable with any woman not only in Novgorod, but also in Moscow.

The article disputes the earlier opinion in historiography that the economic significance of the acquisitions of Marfa Boretskaya during the years of her widowhood did not play a noticeable role and did not affect the political component of relations between Novgorod and Moscow. On the contrary, the author believes, the management of Martha Boretskaya proves her exceptional economic savvy and luck, the rapid wealth of herself and her children, which objectively contributed to the growth of the power of the entire Novgorod region. It is the economic weight of this owner that explains the exceptional role that she tried to take upon herself, saving the stable Novgorod political system.

Keywords: *economic history, Veliky Novgorod, women's history, gender history of Muscovy, Martha Boretskaya, Ivan III, patrimony, state.*

About the author:

PUSHKAREVA Natal'ya L'vovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikluho-Maclay, RAS, (119334, Moscow, Leninsky prospect, 32A), e-mail: pushkarev@mail.ru

References:

- Ambroche T. V., Churakova O. V., «*Zlohitreva zhena*» «*okayannaya Marfa*» v *politicheskoy bor'be Moskvy i Novgoroda i osnovanii severnyh monastyrej*, *Arktika i Sever*, 2013, № 13, S. 1–19.
- Arhangel'skaya A.V., *Zhenskoe lico novgorodskoj politiki XV veka v literaturnom i istoricheskom diskurse N.M. Karamzina i B. Akunina*, *Russkaya filologiya*, 2017, № 4, S. 68–75.
- Kolycheva E.I., *Prihodno-raskhodnye knigi XVI v. kak istochnik po istorii monastyrskogo hozyajstva*, *Tezisy докладов i soobshchenij XV sessii Mezhrespublikanskogo simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, М., 1974, S. 171–172.
- Petrov A. V., *Marfa Boreckaya*, *Voprosy istorii*, 1994, № 12, S. 163–167.
- Platonov S.F., *Proshloe russkogo Severa*, Berlin, Obelisk, 1924. – 110 s.
- Shamina I.N., *Iz istorii vologodskih monastyrej XVI–XVII v.*, *Otechestvennaya istoriya*, 2003, № 1, S. 141–147.

Статья поступила в редакцию 23.10.2020 г.